

ГЛАВА 2

Я быстро шёл вдоль реки, отмахивая милю за милей. К тому времени, как солнце полностью вышло из-за горизонта, я был на полпути к Уэнатчи, где надеялся настичь того, кто купил мою лошадь.

Кроны деревьев уже окрасились в осенние цвета, и дорогу усеивали красные, жёлтые и оранжевые листья. Разве не смешно, что все ими восхищаются, а они на самом деле умирают? Хотя, по правде сказать, выглядит это красиво. Пухлые розовые облака висели у подножия гор, окружавших реку. Будь мама сейчас рядом, она прижала бы ладонь к щеке и воскликнула: «Ох, сердце замирает от такой красоты!» Я, пока шагал вниз по течению, раз-другой поднял голову, чтобы полюбоваться рассветом за маму. Только при этом держал руку на сумке, там, где выпирала рукоять револьвера. Всё-таки в жизни, как ни крути, есть не только красота.

Я всё не мог взять в толк, как мистеру Гриссому удалось продать Сару так ловко, что у меня и подозрений никаких не возникло. Следовало бы сразу догадаться, что к чему. Теперь я страшно на себя сердился — ну как можно было не заметить, что он ведёт себя странно! Шепчется с этим пришлым Эзрой Бишопом, а как я подойду — сразу рот на замок. Нет, конечно, меня это смущало, но тогда я и не думал сомневаться в мистере Гриссоме и вопросами ему докучать не хотел. А потом он меня отправил проверить его загоны

для скота на горном хребте, хотя нужды в этом вовсе не было. К тому времени, как я вернулся, Эзра Бишоп и его лошади, которых он привёл с собой на привязи, давно ушли, а солнце закатилось за горизонт. Я сделал все свои дела по дому и только после ужина, когда мистер Гриссом уже выдул половину первой бутылки, вышел покормить и причесать Сару и увидел, что в стойле пусто.

Внутри у меня всё горело от бешенства. Я пинал камни, которые попадались мне на пути, чтобы хоть на чём-то выместить свою злость. Мне даже думать об этом было больно, словно ножом по сердцу резали. Милая моя Сара! Кроме неё, у меня никого не осталось. Я тряхнул головой и свернул с тропы в подлесок.

Здесь река Уэнатчи текла спокойно, тихо и мирно вливаясь в могучую Колумбию. Я присел у берега, опустившись на гладкие круглые камни, и зачерпнул воду обеими руками. До меня долетал, то приближаясь, то удаляясь, нежный плеск воды: она бурлила между камней, просачивалась через небольшие расщелины. Я как будто услышал мамины слова: «Это голос реки. Каждой живой душе она рассказывает свою историю. У неё и для тебя есть одна, Джозеф, ты только прислушайся». Сейчас я невольно гадал, о чём со мной толкует река, когда в сумке у меня револьвер, а на сердце — смертельная обида. Уж не знаю, понравился бы мне её рассказ. Или его концовка.

Я загребал воду пригоршнями, пока не напился, но она казалась не такой сладкой, как обычно. А потом я встал, развернулся обратно к дороге и заметил высокую сосну невдалеке. Она несла дозор на зелёной лужайке, усеянной валунами и деревянными крестами.

Я её чуть не проглядел. Потерялся в мыслях о прошлом и о том, что ждало меня впереди, и вот те на — чуть её не проглядел.

Передо мной лежала дорога в Уэнатчи, и я знал, что медлить нельзя. Но Эзра уехал много часов назад, и в сравнении с тем, сколько мне предстояло нагнать, несколько лишних минут ничего не решали.

А раз возвращаться сюда я не собирался, неправильно было бы уйти, не попрощавшись с папой.

Когда я добрался до маленького кладбища, злоба во мне испарилась, как утренняя роса. Могил на лужайке было всего ничего, и хоть камни и кресты стояли как попало, видно было, что ставили их с любовью.

Ноги сразу привели меня к нужной могиле, заросшей травой по колено. За те несколько месяцев, что прошли с его смерти, я выучил эту дорогу наизусть, потому что приходил сюда всякий раз, когда удавалось ускользнуть от мистера Гриссома.

На могиле стоял даже не крест, а кусок дерева в форме креста, выпиленный из старой двери. Денег

на что-то получше у меня не хватило. Надпись я вырезал сам.

«Уильям Джонсон, 1855–1890» — вот что там было написано. Ни на что другое места не осталось. А мне столько всего хотелось сказать, но на эту старую деревяшку все мои слова не поместились бы. Даже целого леса досок не хватило бы, чтобы выразить всё, что переполняло мое сердце.

— Привет, пап, — прошептал я, опуская взгляд на его могилу. Ветра не было, и трава не шевелилась, так что казалось, будто она внимательно меня слушает. — Вот, хотел сказать, что ухожу. Мистер Гриссом взял и продал мою Сару, и я в лепёшку расшибусь, а выкуплю её обратно. И вряд ли когда-нибудь сюда вернусь.

Я горько вздохнул и отвёл глаза от покосившейся деревяшки. Как-то неправильно было оставлять папу здесь, под этим жалким подобием креста, где никто не положит цветы ему на могилу, никто о нём не вспомнит. Впрочем, в жизни, наверное, так и происходит: оставляешь позади могилу за могилой, пока не ляжешь в свою. Я потёр нос и всхлипнул.

— Никогда не забуду, что ты мне говорил, папа. Ты сможешь мной гордиться, обещаю. Клянусь, что сможешь.

В горле у меня встал комок. Я перевёл дыхание. Нет, с папой я попрощаюсь не как сопливый плакса. Он мой отец, и я хочу быть его достоин.

Я снова всхлипнул и кивнул.

— Да, отец. Надо делать то, что должно и как должно. Ты меня так учил. Я верну Сару, и притом по чести, как полагается.

Я наклонился и сорвал самые высокие травинки, которые закрывали его имя. Тут мне в глаза бросился круглый белый камешек, привалившийся к деревяшке. Я подобрал его и сунул в карман.

— Прощай, папа, — сказал я, развернулся и пошёл прочь.

* * *

Я знал имена всех фермеров, которые жили в этих окрестностях. Домов здесь было не так много, и стояли они довольно далеко друг от друга: одни прямо у дороги, проложенной для телег, другие чуть поодаль, у подножия холмов. Солнце уже поднялось высоко, и из многих труб клубами валил дым. До меня доносился мерный шум тяжёлой работы: кто рубил топором дрова, а кто занимался другими делами, но я не замедлял шаг и не думал останавливаться. По крайней мере, пока не добрался до Фрэнка Джеймсона. Его домишко стоял у самой дороги. Сам он сидел рядом на пеньке и что-то жевал, но меня сразу заметил.

— Утречко, Джозеф, — бодро произнёс мистер Джеймсон, когда я подошёл ближе. Он вытер ладонь

о штаны и протянул мне. Я вдохнул сладкий запах оладий, которые он пожарил себе на завтрак, и у меня невольно потекли слюнки, но я прикусил язык и пожал ему руку.

— Доброе утро, мистер Джеймсон.

— Мистер Гриссом спозаранку тебя в оборот взял, а? И куда на этот раз послал?

— Сегодня я иду по своим делам, сэр. А к мистеру Гриссому уже не вернусь.

Мистер Джеймсон вскинул брови.

— Вон как? Ну, для тебя-то оно и к лучшему, чего не скажешь про него.

Солнце взбиралось всё выше, и меня звала дорога, так что я сразу перешёл к делу:

— Я ищу одного человека, сэр. Он здесь не проходил вчера вечером? Некий мистер Бишоп с лошадьми на привязи.

Мистер Джеймсон задумчиво провёл языком по внутренней стороне щеки — наверное, там прилип кусочек олады — и кивнул.

— Ага, за пару часов до заката. Сказал, что идёт в Уэнатчи. Спросил, нет ли у меня лошадей на продажу. — Он прищурил один глаз и вопросительно на меня глянул. — Готов поклясться, что видел среди них твою индейскую кобылку, Джозеф. Она ж у тебя рыже-пегая?

Я стиснул зубы и кивнул.

— Да, сэр. Мистер Гриссом... — Я осёкся, чтобы обуздать свой гнев и подобрать более приличные выражения. — Мистер Гриссом продал Сару без моего ведома, и я намерен догнать мистера Бишопа, чтобы выкупить её обратно.

У мистера Джеймсона желваки вздулись от злости.

— Продал? Этот старый пень продал твою лошадь?

— Да, сэр. Только я уверен, что успею найти мистера Бишопа в Уэнатчи и к обеду покончу с этим делом.

— Что ж. М-м-да. Надеюсь, так всё и будет, Джозеф.

— Спасибо, сэр. Ну, мне пора.

Я уже собирался уйти, но одна навязчивая мысль, всё утро вертевшаяся в голове, остановила меня. Запустив руку в сумку, я вытащил оттуда папин револьвер и протянул мистеру Джеймсону рукоятку вперёд.

— Можете передать это мистеру Гриссому, когда в следующий раз его увидите, сэр?

— Это разве не папани твоего ствол?

— Его, сэр. Ну, был его. Так что я решил, что он мой по праву, но... Теперь, кажется, передумал. Папа сказал, что все наши припасы и всё наше добро отойдут мистеру Гриссому, если он меня приютит. Наверное, он и револьвер имел в виду.

Я встретился взглядом с мистером Джеймсоном, стараясь не думать о папиной смерти и о том, что мне тогда пришлось услышать и увидеть. Иногда эти

звучи и образы сами вторгались в моё сознание, и тогда становилось тяжело удержать себя в руках.

Я этот кошмарный день никогда не забуду. Помню, как повозка дёрнулась и перевернулась, как скатилась с того холма, как придавила папу. Он умирал на моих глазах, а я сидел рядом и ничего не мог сделать, не мог позвать врача. У папы по щекам текли слёзы, и он всё шептал хрипло: «Прости, сынок. Прости». Мистер Гриссом тогда как раз возвращался в свою жалкую хижину и проходил мимо. Надо отдать ему должное, он и правда пытался нам помочь. Только ясно было, что тут уже ничем не поможешь. Папа, собрав последние силы, стал умолять мистера Гриссома обо мне позаботиться и пообещал ему за это всё наше хозяйство. Я покачал головой, чтобы отогнать призраков прошлого.

Мистер Джеймсон выглядел сердитым, но я знал, что сердится он не на меня.

— Нет, сынок. Есть кое-что, что мне хотелось бы передать мистеру Гриссому, но уж никак не револьвер твоего папы. Он твой, Джозеф. Был папин, а теперь твой, всё по справедливости. Да и не сказал бы я, что этот пёс о тебе заботился... скорее, использовал.

Он сощурился и понизил голос:

— Послушай, сынок. Ствол тебе ещё пригодится. Мистер Бишоп спешил и к тому же ехал верхом.

Вполне возможно, придётся гнаться за ним через горы. А там и медведи живут, и гремучие змеи. А тебе сколько — вроде двенадцать?

— В феврале исполнится тринадцать, сэр. Я вам не ребёнок.

Мистер Джеймсон кивнул.

— Пожалуй. Но ещё и не мужчина, согласишься, а люди у нас в стране всякие встречаются, и не все из них, скажем так, приветливые. — Он вложил мне в руки мой револьвер. — Бери и ни о чём не думай. Твой папа наверняка хотел бы, чтобы он был у тебя.

Эти слова меня зацепили. Я закусил губу и спрятал оружие обратно в сумку.

— А теперь слушай, — продолжил мистер Джеймсон, — ты там поосторожнее с этим парнем, Эзрой Бишопом. Неприятный он человек, и слава о нём идёт дурная. Будь начеку и ни цента ему не давай, пока он тебе не передаст уздечку твоей кобылки.

— Да, сэр. Хорошо.

— Погоди-ка секунду. — Мистер Джеймсон зашёл в свою хижину и вернулся с небольшим узелком из носового платка. — Тут две оладьи и кусок засоленной свинины. Поешь в дороге.

Я открыл было рот, чтобы возразить, но он махнул на меня рукой.

— И не думай перечить. Я тебя голодного не отпущу.

— Спасибо вам, сэр, я очень...

— Знаю-знаю. А теперь ступай. Путь-то неблизкий.

Не успел я отойти и на пару шагов, как он меня окликнул:

— Она тебя, к слову, бросать не хотела.

— Что, сэр?

— Кобылка твоя. Как её звать?

— Сара, — ответил я, останавливаясь.

— Ага. Так вот, она всю дорогу брыкалась, натягивала верёвку — пыталась вырваться и к тебе убежать. Никогда не видел, чтобы лошадь, которую продали, так сопротивлялась. Бесилась, как дьяволица.

Его последние слова повисли в воздухе, и я почувствовал, что за ними скрывается что-то ещё. Как будто он хотел о чём-то мне сказать, но не решался. Я стиснул кулаки.

— Он её хлестал? — Голос у меня был холодный и жёсткий, как сталь на морозе. — Он хлестал мою лошадь, мистер Джеймсон?

Мистер Джеймсон облизнул губы и сощурился, а потом кивнул.

— Да, сынок. Так сильно плетью её охаживал, заставляя идти вперёд, что, продлись это до самого Уэнатчи, я не удивился бы, если бы рука у него отнялась.

Ногти впились мне в ладони, точно когти бешеного пса. Ноздри раздулись от злости. Я прикусил язык,

чтобы не сказать ничего такого, за что мне стало бы стыдно перед моей покойной мамой. Эзра Бишоп хлестал мою лошадь? Мою милую Сару?

Мрачнее тучи, я резко крутанулся и поспешил в Уэнатчи, радуясь, что оставил при себе револьвер.